Сэл, отбросив назойливые мысли, решил заняться более насущными делами: планированием общежитий для Слизерина и перестройкой замка. Замок, надо сказать, преобразился. Пока юные волшебники уезжали на сбор урожая, преподаватели принялись готовить замок к приему подмастерьев. Как именно они его подготовили, Сэл не был уверен, но сомневался, что результат годится для подмастерьев, а уж тем более – для него самого.Однажды утром, входя в Большой зал, Сэл обнаружил, что потолок отражает погоду за окном. — Как тебе это нравится, Салазар? — спросила Ровена, лукаво улыбаясь. — Мы с Хельгой долгие годы работали над подобным заклинанием. Решили, что здесь оно будет смотреться чудесно.— Действительно, — ответил Сэл, глядя на потолок, который когда-то был его любимым, потолок его первого дома.В этот момент в зал вошел Годрик. — Кто заколдовал лестницу, чтобы она двигалась?! — воскликнул он, перекрестившись. — Они все сдвинулись с места, как только я оказался рядом!— Ну, они еще требуют доработки, — ответила Ровена. — Но все будет отлично, как только я закончу. И не волнуйся, я настрою их на наши желания.— Мило, — прокомментировала Хельга, входя в зал вместе с мужем. — Кто заколдовал лестницу? Мне они нравятся!Годрик вздохнул и умоляюще посмотрел на Сэла. Тот пожал плечами. — Я живу в подземельях. Лестницы меня не беспокоят, — сказал он, мысленно усмехаясь.— Ты злой, Салазар, — прокомментировал Годрик. — Очень, очень злой!Сэл снова пожал плечами и решил запечатать служебные лестницы и потайные ходы парселтонгом. Это помешает Ровене найти и заклясть их, а уж это определенно было бы "заклинанием", даже если она будет называть его "очарованием". В качестве бонуса это помешает Годрику использовать что-либо, кроме главной лестницы... И Годрик заслужил это. Сэл до сих пор не простил ему идею давать прозвища общежитиям и им самим.Сэл наконец сбежал от завтрака, чтобы запечатать служебные лестницы, пока Ровена их не обнаружила. На месте входов теперь красовались маленькие каменные змейки. — Должно хватить, — решил Сэл, все еще усмехаясь.Певерелл решил отвоевать у сестры свои комнаты, так называемые "общественные помещения". Он заколдовал горгулью и лестницу, чтобы та двигалась вверх. Горгулья стала охранять его кабинет, в котором впоследствии будут работать директора и директрисы Хогвартса.Хельга, Годрик и Ровена, вдохновившись идеей, изменили двери в свои общежития, сделав их открывающимися только по паролю. Годрик повесил портрет своей матери перед входом. — Так она не будет преследовать меня по всему дому, — объяснил он, когда его спросили о выборе.Ровена заколдовала дверную ручку, чтобы та задавала загадки перед входом. — Так они привыкнут отгадывать загадки, — заявила она.Хельга тоже использовала портрет для входа в общежитие, а для пароля – ритм своего прозвища.Сэл наблюдал за всем, пока не узнал все их ценные бумаги и средства защиты, а затем просто исчез вход в общежитие, оставив после себя простую каменную стену. Он закрепил стену паролем и кодом безопасности на парселтонгском языке.— Годрик, — сказал Сэл однажды.— А?— Мне нужно вдохновение для моего общежития…Годрик мгновение смотрел на него безучастно, затем его глаза загорелись. — О! Конечно! Хочешь посмотреть на мое?— Э… можно?— Конечно! Пойдем в башню Гриффиндора, посмотрим!Когда они подошли к портрету, Годрик назвал пароль, и они вошли. Комната была красной. Абсолютно красной. Завалена красным. А все, что не было красным, было золотым. — Здорово, не правда ли? — сказал Годрик. — Я сам заколдовал его; я думал, что смогу сделать эти два цвета цветами герба Гриффиндора…Сэл подумал, что кто-то в будущем, должно быть, затемнил цветовую гамму. — Э… да, здорово… теперь у меня точно есть вдохновение… — сказал Сэл. — Отлично.Сэл был счастлив снова уйти, после того как ему показали комнаты для мальчиков в общежитии и дополнительные туалеты – не то чтобы там был водопровод. Уборная была соединена с зачарованной трубой, которая заканчивалась ванной для подачи свежей воды и мусорной трубой для отвода использованной воды. Это было изобретение Хельги, идею которой переняли остальные основатели. Сэл догадывался, что первоначальный способ так и не изменился до конца даже в его время – не то чтобы он мог доказать это, застряв в прошлом.Поэтому, когда Сэл наконец покинул Годрика, он сразу же побежал к Хельге. — Хельга, — сказал он. — Могу я увидеть твои общежития? Мне нужно что-то, чтобы очистить

глаза от шокирующих красок, которые я видел несколько минут назад.Хельга подняла на него бровь. — Что ты сделал, Салазар? — спросила она.— Я подумал, что это хорошая идея – попросить Годрика вдохновить меня на создание общежития…— Ай, — сказала Хельга. — Наверное, стоит надеяться, что ученики Годрика дальтоники… ну, пойдем. Я покажу тебе.Через несколько минут Сэл вошел в свое второе общежитие за день. Общежитие Хельги было оформлено в черно-желтых тонах. — Я выбрала эти два цвета для своего герба, — объяснила она.— Герб?! — сказал Сэл. — Почему все люди сегодня вдруг заговорили о гербах?Хельга тупо уставилась на него. — Потому что мы создаем Дома, Салазар, — сказала она. — У каждого нормального Дома есть герб – поэтому, конечно, мы говорим о гербах. Рена и Годрик сказали, что мы должны использовать животных как часть герба, поэтому я выбрала барсука для Хаффлпаффа. Годрик сказал, что ты возьмешь змею, он – льва, а Рена сказала что-то об орле…— Э… ладно, — сказал Сэл и, сказав несколько банальностей, наконец вышел из комнат.Комнаты Хельги были не так плохи, как у Годрика, но… Сэл вошел в свои покои в подземелье и первым делом осветил комнаты, сделав внешнюю стену с рунами невидимой, чтобы можно было видеть в озеро. Затем он использовал приглушенный зеленый цвет и несколько серебряных бликов для общей комнаты. Возможно, ему не очень нравилось название его Дома, но он вдруг почему-то обрадовался, что его Дом – Слизерин. По крайней мере, зеленый цвет создавал ощущение домашнего уюта – и он не убивал при одном взгляде на него, как красный цвет Годрика!— Итак… цвета моего герба – зеленый и серебряный, — заключил он – не то чтобы он не знал этого заранее.— Запомнить: если когда-нибудь узнаю, кто посмел приглушить красный и золотой огонь в башне Гриффиндора, непременно вознагражу их! — прошептал Сал, крепко сжимая в руке перо.В тот вечер, вооружившись новыми знаниями, он прокрался сначала в башню Гриффиндора, а затем в дом Хаффлпаффа. Там, в глубине общежитий, он наложил мощные чары, скрыв часть комнат от глаз обитателей. Остальные же просто забыли о существовании этих помещений. Используемые чары определенно относились к Темным искусствам. Сал усвоил их от Морганы, но это его не волновало. Он был темным магом, вне зависимости от того, применял он эти знания или нет. В конце концов, все, чему его учил отец, Мирддин, уже двести лет считалось запрещенным, как Темные искусства. Сал давно перестал обращать на это внимание, главное, чтобы его чары не причиняли никому вреда…

http://tl.rulate.ru/book/93005/3082829